

И. С. Тургенев

Воспоминания о Белинском

В. Г. Белинский в воспоминаниях современников

Вступит. статья К. И. Тюнькина. Примеч. А. А. Козловского и К. И. Тюнькина. М., "Худож. лит.", 1977.

Серия литературных мемуаров.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Личное мое знакомство с В. Г. Белинским началось в Петербурге, летом 1843 года; но имя его стало мне известным гораздо раньше¹. Вскоре после появления его первых критических статей в "Молве" и "Телескопе" (1836--1839)² в Петербурге начали ходить слухи о нем как о человеке весьма бойком, горячем, который ни перед чем не отступал и нападал на "все" -- на все в литературном мире, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима -- в печати. Многие, даже между молодежью, осуждали его и находили, что он слишком смел и далеко заносится; старинный антагонизм Петербурга и Москвы придавал еще более резкости тому недоверию, с которым читатели на берегах Невы относились к новому московскому светилу. Притом его плебейское происхождение (отец его был лекарь, а дед дьякон) возмущало аристократический дух, установившийся в нашей литературе с александровских времен, времен "Арзамаса"³ и т. п. В тогдашнее темное, подпольное время сплетня играла большую роль во всех суждениях -- литературных и иных... Известно, что сплетня и до сих пор не совсем утратила свое значение, исчезнет она только в лучах полной гласности и свободы. Целая легенда тотчас сложилась и о Белинском. Говорили, что он недоучившийся казенный студент, выгнанный из университета тогдашним попечителем Голохвастовым за развратное поведение (Белинский -- и развратное поведение!);⁴ уверяли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циник, бульдог, призренный Надеждиным с целью травить им своих врагов; упорно, и как бы в укоризну, называли его "Беллыньским". Слышались, правда, голоса и в его пользу; помнится, издатель почти единственного тогдашнего толстого журнала отзывался о нем, как о птичке с ноготком, как о живчике, которого не худо бы завербовать, -- что, как известно, и было впоследствии приведено в исполнение, к великому преуспеянию журнала и к великой выгоде самого... издателя⁵. Что касается до меня, то знакомство мое с Белинским как писателем произошло следующим образом.

Стихотворения Бенедиктова появились в 1836 году маленькой книжечкой с неизбежной виньеткой на заглавном листе -- как теперь ее вижу, -- и привели в восхищение все общество, всех литераторов, критиков -- всю молодежь. И я, не хуже других, упивался этими стихотворениями, знал многие наизусть, восторгался "Утесом", "Горами" и даже "Матильдой" на жеребце, гордившейся "усестом красивым и плотным". Вот, в одно утро, зашел ко мне студент-товарищ и с негодованием сообщил мне, что в кондитерской Беранже появился Но "Телескопа" с статьей Белинского, в которой этот "критикан" осмеливался заносить руку на наш общий идол, на Бенедиктова⁶. Я немедленно отправился к Беранже, прочел всю статью от доски до доски -- и, разумеется, также воспылал негодованием. Но -- странное дело! -- и во время чтения и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с "критиканом", находило его доводы убедительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданного впечатления, я старался заглушить в себе этот внутренний голос; в кругу приятелей я с большей еще резкостью отзывался о самом Белинском и об его статье... но в глубине души что-то продолжало шептать мне, что *он был прав*... Прошло несколько времени -- и я уже не читал Бенедиктова. Кому же не известно теперь, что мнения, высказанные тогда Белинским, -- мнения, казавшиеся дерзкой новизною, -- стали всеми принятым, общим местом -- "a truism", как выражаются англичане? Под *этот* приговор подписалось потомство, как и под многие другие, произнесенные тем же судьей. Имя Белинского с тех пор уже не изгладилось из моей памяти, но личное наше знакомство началось позже.

Когда появилась та небольшая поэма "Параша", о которой я говорил выше⁷, я в самый день